

Образ врага как инструмент политики: формирование идентичности и социальные риски применения

В.Л. Римский,
заведующий отделом социологии
Фонда ИНДЕМ

В современной российской политике образ врага нередко используется как инструмент консолидации крупных социальных групп против тех или иных государств и тех или иных социальных групп. При этом враги обязательно оцениваются как чужие, постоянно вредящие этим социальным группам или всему нашему государству в целом. Враги представляются в общественном сознании как носители зла и стремящиеся унижить, помешать в развитии или даже разрушить наше государство и общество.

Какие государства или социальные группы будут определены как враги или чужие, как правило, определяется теми или иными органами власти. Этот может происходить и в политическом процессе, когда некая страна объявляется врагом России, и формально вне него, когда, например, санэпидслужба объявляет, что продукты из той или иной страны опасны и на этом основании запрещены к импорту. При этом в политике образ врага никогда полностью не конкретизируется, а используется, скорее как метафора, смысл которой определяет каждый гражданин и каждая социальная группа в соответствии со своим пониманием врага. А органы власти, чаще всего, не препятствуют и более того, поощряют такое творчество граждан и их объединений в придании смыслов образу врага. В результате такого творчества широких социальных групп образ врага формируется скорее спонтанно, чем по плану органов власти, которые этот спонтанный процесс контролируют и по возможности направляют, но не определяют полностью.

В результате образ врага становится в политике инструментом для достижения различных целей. В частности, нередко образ врага используется для патриотической консолидации граждан и их объединений для обеспечения их поддержки предлагаемых органами власти решений политических, экономических и социальных проблем. Одним из обоснований необходимости консолидации является, как правило, формирующаяся в общественном сознании убежденность в непредсказуемости и коварности врага, а потому в необходимости быть в постоянной готовности к адекватному реагированию на его действия. В консолидации на таком основании органы власти отделяют граждан и их объединения от идей и вариантов решений сходных проблем, которые могли бы предложить враги или которые они уже реализовали в своих странах или социальных группах. Этому отделению способствует дискредитация врага через его образ,

формируемый в общественном сознании политиками и распространяемый СМИ. Образ врага нередко используется органами власти и в качестве инструмента для отвлечения внимания широких социальных групп от реальных проблем политики, экономики и социальной сферы, а также для снятия вины с органов власти за то, что эти проблемы не решаются, и перенос этой вины на врага.

Эффективность использования образа врага в качестве инструмента политики определяется многими факторами, в первую очередь, актуализацией таким способом архаических структур бессознательного, интеграции первичных инстинктов индивидов, которые у большинства из них весьма сходны и во многом перестают уравниваться в этой своей интеграции разнородными высшими структурами психики. В результате социальное поведение крупных социальных групп, интегрированных образом врага, нередко начинает определяться этими архаическими инстинктами: ненавистью к чужим и агрессией по отношению к ним, одновременно страхом перед ними и стремлением продемонстрировать его отсутствие. В таких условиях образ врага становится инструментом управления крупными социальными группами на основе апеллирования к этим архаическим инстинктам, проявлениям которых уже мало препятствуют высшие структуры психики, выработанные в человеческой культуре.

Именно такая эффективность образа врага, как инструмента политики, и определяет высокие риски разрушения в социуме культуры в широком смысле, дискредитацию общих норм морали, проявлений индивидуальности в реализации высших психических функций индивидами. В среднесрочном и долгосрочном периодах такая политика имеет высокий уровень риска привести к разрушению в социуме ценностей добра и зла, справедливости и солидарности, взаимной поддержки и общего блага. А это, в свою очередь, будет поддерживать социальный эгоизм, неуважение и неподчинение закону, как своду общих правил и норм социального поведения. А с другой стороны – безответственность политиков и государственных деятелей, находящихся в образе врага объяснения неэффективности своей деятельности по решениям общественных проблем. В таких условиях большинство и граждан и политиков станут безответственными и морально неполноценными, что следует оценить как потерю возможностей успешной конкуренции с развитыми и успешно развивающимися странами в мировой политике и экономике.

Необходимо только добавить, что построение политики на использовании ресурсов высших психических функций индивидов является много более сложной теоретической и практической проблемой, чем использование образа врага. Эта проблема практически лучше решается в демократических политических режимах, способных не препятствовать проявлениям социальных и социально-психологических различий

граждан, определяемых их высшими структурами психики. В тех политических режимах, в которых для выработки пониманий и решений актуальных проблем используются широкие общественные дискуссии, с выдвижениями аргументами, контраргументов, с оценками социальных последствий всех вариантов решений и стремлением к достижениям консенсусов между социальными группами в их отношении.